

**Л. Ф. ГРИНЕВЕЦКИЙ О КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ АНАДЫРСКИХ ЧУКЧЕЙ
В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

*Работа представлена кафедрой философии, культурологии и истории
Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. В. Подмаскин*

*В статье анализируются материалы о культуре и быте анадырских чукчей в
1889–1891 гг., представленные начальником Анадырского округа Л. Ф. Гриневецким.*

Ключевые слова: анадырские чукчи, жилище, занятия, антропология, семейно-брачные отношения.

D. Tarasenko

**L. F. GRINEVETSKY'S IDEAS ABOUT THE CULTURE AND WAY OF LIFE
OF THE ANADYR CHUKCHI AT THE END OF THE 19TH CENTURY**

*The author of the article analyses the materials about the culture and way of life
of the Anadyr Chukchi in 1889–1891 presented by the head of the Anadyr district L. F.
Grinevetsky.*

Key words: the Chukchi of Anadyr, dwelling, occupation, anthropology, matrimonial relations.

Леонид Францевич Гриневецкий (1853–1891) – медик, член Императорского Русско-географического общества с 1882 г., основатель г. Анадырь в 1889 г. Он родился в Полтавской губернии, в дворянской семье; после окончания Императорской Медико-хирургической академии в 1882 г. получил специальность лекаря. Участвовал в экспедициях на Обскую губу и Новую Землю. По итогам последней экспедиции Леонид Францевич получил серебряную медаль Русского географического общества, а в 1885 г. был награжден орденом Святого Владимира IV степени. В 1889–1891 гг. был начальником Анадырского округа. Умер и похоронен на Чукотке, в долине реки Анадырь под горой Маину [1, л. 64].

Смерть помешала Л. Ф. Гриневецкому обработать и систематизировать собранный им материал. Коллекция Леонида Францевича из 74 предметов поступила в фондовое собрание музея Общества изучения Амурского края (ныне Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева) [7, с. 150]. Результаты наблюдений Л. Ф. Гриневецким коренных жителей Чукотки были изложены им в рапорте генерал-губернатору Приморской области П. Ф. Унтербергеру; копия рапорта сохранилась в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока [2].

О деятельности Гриневецкого на Чукотке писали П. П. Семенов [8], И. С. Вдовин [5], И. И. Романова [7]. Коллекции исследователя описала В. В. Кобко [9].

Настоящая статья представляет собой попытку проанализировать результаты наблюдений Л. Ф. Гриневецким культуры и быта аборигенного населения Чукотки.

Объектом научных наблюдений Гриневецкого стали анадырские чукчи, которые, по его сведениям, делятся на «оленных» (кочевых), сидячих и жителей селения Марково.

Оленные чукчи кочевали по всей Чукотке, западной границей их кочеваний была река Колыма [2, л. 98 об. – 99, л. 111 об.].

Сидячие чукчи, по сообщению Л. Ф. Гриневецкого, жили небольшими группами (от 4 до 20 юрт) по обоим берегам реки Анадырь –

от устья до селения Марково, и по всему побережью – от мыса Наварина до Чаунской губы [2, л. 111 об.].

В отдельную группу населения Л. Ф. Гриневецкий выделил жителей селения Марково (около 350 человек), находящегося в 700–800 верстах вверх по Анадырю от устья. В селении проживали: а) по национальностям – русские, чуванцы, юкагиры, ламуты; б) по сословной принадлежности – мещане, крестьяне, духовные и казаки [2, л. 89 об. – 90]. Данные сведения об этническом составе жителей селения Марково использованы в работах этнографа И. С. Гурвича [6, с. 197].

Л. Ф. Гриневецкий писал, что «все живущие здесь инородцы большей частью обрусели настолько, что забыли даже родной язык свой...», тем не менее «разноплеменное население Маркова живет между собою в постоянном разладе и антагонизме...», марковцы постоянно спорят «на счет времени начала промыслов оленя и на счет лова ленок гусей и вообще на счет всех общественных дел, имеющих равное для всех значение» [2, л. 90]. Несогласованность действий мешает своевременному накоплению продуктов питания на зиму, что приводит к голодовкам. И только русская администрация улаживала конфликтные ситуации.

По данным Гриневецкого, чукчей на Чукотке проживало около 10 тыс. человек. Предположив стабильность численности населения, Леонид Францевич отметил, что значительная часть жителей Чукотки вела кочевой образ жизни. Поэтому точные сведения о численности коренного населения Чукотки в конце XIX в. было трудно определить.

Изучая жилища чукчей, Л. Ф. Гриневецкий обратил внимание, что у них имелись летние и зимние юрты.

Летние юрты устраивались из 4–8 деревянных жердей, поставленных в «козлы», связанных ремнями у вершины, и обтягивались пологом из сшитых оленьих шкур, шерстью наружу. В этих юртах чукчи жили в период с таяния снегов до сильных осенних морозов [2, л. 101]. В конце сентября чукчи начинали строить зимние жилища. В подходящем месте рыли неглубокую (максимум в

полтора аршина) яму, обкладывали края несколькими слоями дерна. Этим же материалом изнутри обкладывали и саму яму, предварительно расчистив ее с южной стороны. По углам ямы устанавливали столбы, сверху на них клали перекладыны, которые покрывали все тем же дерном в один или несколько слоев. В центре оставляли небольшое четырехугольное отверстие для выхода дыма и освещения. Гриневецкий отметил, что «на расчищенном же у входа в яму месте чукчи ставят свою летнюю юрту, ставят таким образом, чтобы она плотно соединялась с описанной землянкой; таким образом, зимнее жилище чукчей состоит из двух отделений: теплого, или землянки, и холодного, состоящего из летней юрты, снизу обставленной дерном» [2, л. 101]. В холодном помещении чукчи держали собак и здесь же выкапывали четырехугольную яму для хранения провизии.

Зимой во время пурги и сильных морозов, свидетельствует Гриневецкий, дымовое отверстие закрывали четырехугольной, плотно пригнанной глыбой льда против проникновения в жилище снега [2, л. 102], при этом свет незначительно сохранялся.

Вверх по Анадырю, вблизи селения Марково чукотские юрты были похожи на русские деревенские курные избы, наполовину зарытые в землю. Окна делали в стенах, а не сверху, и закрывали оленьим пузырем [2, л. 102 об.].

В зимних жилищах «чукчи живут зимой как звери; на пространстве шести квадратных саженей... помещается до трех семейств, т. е. до 15–16 человек обоего пола с детьми» [2, л. 102 об.]. Темнота, теснота, смрад, холод и голод, по наблюдениям исследователя, чукчей преследовали весь зимний период. Особенно страдали дети, которых нельзя было выносить из жилища до появления первых лучей солнца.

Основные занятия чукчей: оленеводство, охота, рыбная ловля, промысел пушных и морских зверей. Оленеводство — главное занятие чукчей. «Оленные чукчи... кочуют... сообразно с состоянием кормов, определенного места жительства не имеют... Олени куда хотят, туда и идут, и за ними и хозяева».

Тем не менее, «все оленные чукчи, в течение лета, стараются держаться морских берегов, ибо здесь только они имеют возможность приобретать себе все существенно необходимое для долгой... полярной Анадырской зимы...» [2, л. 98 об. — 99]. Чукчи, потерявшие оленей, переселялись на побережье.

Рыболовством занимались сидячие чукчи, которые в течение короткого лета заготавливали рыбу как для еды на зиму, так и для обмена на оленьи шкуры. Рыбу закапывали в ямы; благодаря вечной мерзлоте она сохранялась долго, а если ее тронет гниль, то, по мнению чукчей, это хороший продукт питания [2, л. 103 об.].

Объектами охоты были дикие олени, куropатки, каменный баран.

Охота на диких оленей носила сезонный характер: во время ежегодных перекочевок с северного на южный берег реки Анадырь чукчи устраивали засады и добывали оленей на переправах, убивая их веслами.

Охотники, писал Гриневецкий, «добывают столько, сколько смогут убить в течение дня». Обыкновенно пять человек промышленников убивали в день 400–500 оленей и более. Между тем, «для прокормления семьи с нартою собак на всю зиму требуется от 100 до 125 штук оленей. Много оленя пропадает даром, так как чукчи нередко бьют их исключительно для добывания шкур, которые идут частью для своего употребления, частью для продажи. Мясо таких оленей попросту пропадает. Куропаток летом 1889 г. можно было убивать простою палкою в один день 100–150 штук» [2, л. 103 об.].

Важную роль в жизни чукчей играла охота на песцов и лисиц, так как все необходимые для жизни предметы они могли получить только в обмен на пушнину от русских или американцев. По мнению И. С. Вдовина, Гриневецкий преувеличил роль охоты на пушных зверей в жизни коренных обитателей Чукотки. На самом деле промысел носил вспомогательный характер. До появления на северо-востоке России европейцев (русских и американцев) у аборигенов Чукотского полуострова господствовал натуральный обмен, обеспечивавший их всем необходимым

для жизни. Развитие пушного промысла Вдовин объясняет втягиванием местного населения в товарно-денежные отношения и необходимостью уплаты податей [5, с. 186].

Касаясь пищевого рациона чукчей, Л. Ф. Гриневецкий, вскользь упомянув оленье мясо и рыбу, акцентирует внимание на постоянном полуголодном существовании, следствием которого стала крайняя неразборчивость в еде: «Чукчи могут есть даже то, что не съест изнывающая от голода собака, как например, – дохлую собаку, оленей и даже человеческий кал, червей (личинки оводов в коже оленей), словом – решительно все, что только можно пережевать!..» [2, л. 98]. Сведения о неразборчивости оленных чукчей в еде подтвердил побывавший на крайнем северо-востоке России в начале XX в. исследователь В. Г. Богораз [4, с. 128].

Характеризуя духовную культуру чукчей, Л. Ф. Гриневецкий писал: «...жизнь их есть чисто скотская; интеллектуальные, духовные интересы по-видимому вовсе не сродственны чукчам и они не имеют никаких потребностей в них...» [2, л. 109 об.]; «...цивилизация и прогресс среди них [чукчей] не мыслимы: как чукчи жили в эпоху каменного века..., так они живут и теперь, так будут они жить и впоследствии» [2, л. 110]. Низкая оценка духовной культуры чукчей Гриневецким не нашла поддержки у других исследователей. Уже в начале XX в. исследователь Н. И. Беретти отмечал наличие достаточно развитой духовной культуры у чукчей [3].

Изучая социальную организацию чукчей, Гриневецкий обнаружил, что каждая семья подчинялась интересам и обычаям селения. Чукчи жили независимыми группами, «состоящими из двух-шести семейств» [2, л. 98 об.], подчинялись старейшему или, уточняет исследователь, богатейшему члену данной группы. «Фактической власти чукчи не признают над собой никакой; они подчиняются только, так сказать, нравственной власти, т. е. сознавая опытность старосты, или признавая компетентность, авторитет какого-либо из выдающихся членов общества», чьим советам и наставлениям они и следуют [2, л. 112 об.].

В возрастной антропологии чукчей, по Л. Ф. Гриневецкому, насчитывается три цикла: детство, зрелый возраст и период дряхлости (старость). Чукчи с почтением относятся к пожилым людям, дети преданы родителям безгранично; родители любят и заботятся о детях, пишет он. Ссоры между чукчами редки: «...все они живут между собою мирно, согласно и чрезвычайно участливо друг в отношении друга». Стариком, отмечает Гриневецкий, считается всякий чукча, имеющий одного-двух взрослых сыновей, способных заменить отца [2, л. 112 об.].

До преклонного возраста, свидетельствует Л. Ф. Гриневецкий, «не доживает ни один из чукчей; страшно тяжкие условия существования, нечеловеческие [тяготы] в течение зрелого периода жизни, при зимних промыслах – все это обуславливает... смерть... в цветущих летах» [2, л. 110 об.]. Больные, продолжает он, добровольно уходят из жизни, отвергая предложенное им лечение, в одном из таких случаев больной был удушен ремнем. Удушение произвели ближайшие родственники больного, по инициативе и с полного согласия последнего [2, л. 111].

В социальном расслоении у чукчей он выделяет: богатых (крупных стадовладельцев и торговцев), средних, которые могут прокормить себя самостоятельно, и бедных, которые сами себя прокормить не могут, поэтому нанимаются на сезонные работы к богатым или американцам. Богатые чукчи, по Гриневецкому, люди черствые и весьма несимпатичные [2, л. 104].

Описывая семейно-брачные отношения, Л. Ф. Гриневецкий сообщает, что «все чукчи женятся очень рано», не указывая, точный возраст; «в нашем районе чукчи не имеют больше двух жен каждый» [2, л. 104].

Браку предшествует сватовство: когда парню понравилась девушка, он с разрешения своих родителей приходит к родителям девушки и объявляет, что желает взять ее в жены, родители либо соглашаются, либо нет. Если родители соглашаются, тогда парень переселяется в юрту родителей невесты и живет там 2–3 года. Парень в течение этого срока является «и рабочим, и промышленни-

ком и, вообще, всем, чем должен быть в отношении собственных родителей». Все время пребывания в юрте невесты жених живет с ней как со своей женой. «Описанный порядок сватовства совершается повсеместно, как у сидячих, так и у оленных чукчей» [2, л. 104].

В день сватовства и в день, когда молодые переселяются в отдельную юрту или в юрту родителей бывшего жениха, устраиваются шумные пирушки: «...в данную юрту собирается все наличное население этого места, веселятся, поют, пляшут и прочее» [2, л. 113 об.].

Таким образом, Л. Ф. Гриневецкий выделял самобытность культуры чукчей, их нравственные качества, неоднократно упоминал об их честности, рассудительности, покладистости, деликатности. Гуманное отношение к коренным жителям Чукотки нашло отражение во время его пребывания в должности начальника Анадырского округа. Он неоднократно издавал приказы о раздаче чукчам продовольственной помощи, представил чукчу Кохлянто к правительственной награде за оказание помощи для экспедиции [2, л. 97].

Вместе с тем обращает на себя внимание двойственность Л. Ф. Гриневецкого в оценках культуры и быта чукчей: оценивая их быт как «скотский», а их «увеселения» как грубые, дикие, циничные и «до крайности неинтеллигентные», он тут же отмечает, что «при всем этом в обыденных отношениях чукчи – превосходный народ» [2, л. 114 об.]. Таким образом, Гриневецкий отделял нравственные качества от материальной и духовной культуры.

Будущее коренных жителей Чукотки Л. Ф. Гриневецкий видел в составе России: «...чукчи... хотя [и] смутно, и все-таки считают себя более близкими к русским, нежели к американцам...» [2, л. 92]. Гриневецкий считал, что для обрусения края достаточно одного русского миссионера, добросовестно относящегося к делу. Он писал: «Я глубоко убежден, что в два-три года можно обратить в православную веру почти поголовно всех чукчей» [2, л. 92 об.].

По нашему мнению, Л. Ф. Гриневецкий не был настоящим исследователем, поэтому в его рапорте отсутствуют многие важные этнографические проблемы (например, проблемы этногенеза и этнической истории чукчей, сведения о предметах повседневного обихода, нет описания чукотских верований и народных знаний и проч.), а имеющиеся сведения о материальной культуре, социальной организации и семейно-брачных отношениях фактографичны и поверхностны. Никаких попыток анализа собранного материала в его рапорте мы не обнаружили. Данное обстоятельство можно объяснить отсутствием специальных знаний, о чем Л. Ф. Гриневецкий прямо признавался в своем рапорте [см.: 2, л. 114 об.].

Указанные недостатки не умаляют, однако, ценности произведенных им наблюдений. Собранные Гриневецким этнографические материалы и коллекции являются важным источником для изучения традиционных культуры и быта коренных жителей Чукотки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 2417.
2. РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д. 116.
3. Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. 92 с.
4. Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 224 с.
5. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.–Л.: Наука, 1965. 404 с.
6. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Наука, 1966. Т. 89. 276 с.
7. Романова И. И. История музейного дела на Чукотке // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 149–154.
8. Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 3. Отдел V. СПб., 1896. 1378 с.
9. Этнографические коллекции по народам Северо-Востока Азии в Приморском объединённом государственном музее им. В. К. Арсеньева / Автор-составитель: В. В. Кобко. Владивосток: РИО Примурполиграфиздата, 1991. 62 с.